

Школьник

Солнце жарит; в настроенье глупом,
Показав смазливое лицо,
Выжигает на скамейке лупой
Школьник нехоршее слово.

Жаждет чадо молодое воли.
Хорошо одно в борьбе со злом:
Он не ловит покемонов в школе
И бычки не курит за углом.

Но во всём видна первооснова,
Пусть невелико творенье рук.
Тянется дымок с доски сосновой,
Кривизна обугленная букв.

Теменем качает рыжеватым
И сопит, сосредоточен весь
Истиной простой и тороватой,
Неприлично лишь её прочесть.

Полдень тонет в мареве, в подбобе
Раскалённом, так прими в строку
Грешное, знакомое, любимое
Это приобщенье к языку.

Мгновенье

Зло, цепко кадром разграничил
Деревья, зарево и дым.
Бессмыслица фотогенична,
Фотограф этим уязвим.

Под зонтиком—линялой крышей—
Сосредоточен, угловат.
Выходит тень из серой ниши,
Надейся, что надолго, брат!

Мгновенье чиркнет в эпатаже,
В формат замкнётся цифровой.
Ещё невидимы пейзажи,
Детали в данности живой.

Возникновенье тянет выю,
Створ распахнёт печаль её,
И выпадет в периферию
За явью—инобытиё.

Запах мира

Светится зелёная ограда,
Тени расползаются, шутя.
Розовыми пятками по саду
Мнёт растенья малое дитя.

Изнывая в первозданном зное,
Ощущают приступ духоты
Брошенные в марево земное
Синие и красные цветы.

Наблюдай за малышом и робко
Ощущай библейскую тщету,
Леденцов душистую коробку,
Запах мира, сада красоту.

Крестом осенив

Открой деревянные ставни,
Прохладу под вечер ищи.
Земля перемешана с камнем.
Крапива у дома на щипы.

Здесь твёрдые помнят ладони,
Нехитрый и бережный труд,
И лёгкую лодку в затоне,
Где птицы на ветках замрут.

Над дверью прибита подкова,
Но счастье здесь было вчера.
И новая жизнь бестолково
Томится в прихожей с утра.

И дымка—в ней вера и горечь,
И отрок мужской говорок
В словесном попробует сорё
И взрослым уйдёт за порог.

А следом и мне—удалиться,
Июня покой обрести.
В него мне осталось влюбиться,
И лето осталось спасти.

И дождь неожиданный выждать,
В котором дорога суха,
Крестом осенив себя трижды
Под каверзный крик петуха.

У окна

Под чердачными балками где-то
Жизнь с мансарды острее видна.
Посмотри, ты же чёрный от света,
Потому что стоишь у окна.

Тенью—гордый, а профилем—жалкий,
Бытие на текущем счету.
Пахнут остро бензином фиалки,
Небеса предьявят наготу.

Так скажи этой оптике: «Здравствуй»,—
Потому что на все времена
Стал невольной причиной контраста,
И душа в черновик вмещена.

Город виден, хранит содержание
Хмарь над жестью изогнутых крыш,
И стихию несут горожане
На работу, а ты промолчишь.

Только, к далям бесплотным готовясь,
Отправляешь сиротски мольбу,
Уместив в некрасивую совесть
И в свою и в чужую судьбу.

Башня

Нам достался Господь бесшабашный,
Трудоголик, водитель калек.
Вавилонскую строили башню—
Был такой у страны нацпроект.

Он стоял у корыта с цементом,
Он дразнил октябрятским значком.
Осыпалась листва позументом,
И лежала природа ничком.

Шлакоблоки замешивал пóтом,
И пока выростала стена,
Польский спирт разбавляли компотом,
И его разливал Сатана.

Он шумерам кидал каравай
И над ними глумился без слов.
Подъезжали к подножью трамваи,
Доставлявшие новых рабов.

Помолись в производственном цикле,
Непорочный осваивай план,
Будет солнце—серебряный сикель—
Опускаться в дырявый карман.

Так росла до небес без возврата—
Белым камнем над миром сиять,
В окружение рабочего мата
Языки и себя забывать.

Мелкий на асфальте

На асфальте—цветными мелками
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг.
У курносого облика странствий
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пёстрой клумбе, похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазёра во лжи,
Мальчуган дураком вырастает
И, зарёванный, дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если, гостем случайным в дому,
Вера общая схожа с любовью,
Но противна хмельному уму?

Передовица

лЭП чернеют на закате
Среди просеки к реке.
Свет последний солнце тратит,
Исчезая налегке.

Спит ржавеющий бульдозер,
Вахта брошена в тоске,
И душа—в анабиозе
На сухом речном песке.

Острый ветер производства
Двинет крана рычаги,
Трудовое первородство
Загудит среди тайги.

И, в платке явившись красном,
Крановщица, знатна вся,
Миражом скользит прекрасным,
Кольхая телеса.

Жизнь былая с убежденьем
Ставит памяти вопрос,
Тлен мешая с вождельеньем
В лязге тросов и колёс.

Снова оживают лица,
Кочегарный запах мест,
А в башке—передовица
С запозданием мысли ест.

Богомаз

Моленья предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья.
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная с миросотворенья.

Пусть светится от золота оклад,
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.

Левкас никак не отпускает кисть
Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отобразив перечень пророчеств.

Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз
Без участия, тоски и сильной страсти.

Ночь

Дует ветер дел заплечных
Буйной голове в висок,
Путь—и тот явился Млечный
Набекрень, наискосок.

Отчего смертельна свежесть
И поставлена в вину?
Волки, кровожадно нежась,
Скалят пасти на луну.

Клювы, вороны, прочистив,
Больше очи не клюют.
На душе светло и чисто,
Да и в душу не плюют.

Только чья-то тень святая
Тает в медленном огне,
Крылья больно вырастают
На истерзанной спине.

Порч и почестей небесных
Узелком связать невмочь.
За слезой простой и честной
Отправляйся в эту ночь.

Слон

Скрипел бамбуковый салон
Под тайской пальмовою крышей.
Но бережно мне серый слон
Мял спину среди джунглей пышных.

Животный холодок свежэй
По телу шёл буддийской вязью,
А лопухи его ушей
Казались сотовою связью.

Страх мир перевернул вверх дном,
Усердствовал погонщик лихо,
А я лежал живым бревном
Под этой процедурой тихо.

Но жизнь соединяла нас
Никем не видимой проводкой,
И солнышка слоновий глаз
Пах крепкой рисовою водкой.

Тихий свет

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу чёрный хлеб.

Где утро в темя дышит
И брезжит тихий свет,
Садись, избранник свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост.
Так выглядит бессмертье,
За это—первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм
И неживых предметов
Несуетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод.
Лишь остаётся верить
До дрожи: всё пройдёт!